

влажный песок тяжелее сухого. Для этого организуем игры с песком. В одинаковые по размеру ведерки дети насыпают сухой и влажный песок, сравнивают, какое ведерко тяжелее. Они пытаются объяснить, почему сухой песок легче влажного, тогда им будет понятно, что ветер разносит только сухой песок. Завершаем такую работу ознакомлением детей с иллюстративным материалом о дюнах, пустынях: почему ветер наметает дюны, барханы, выводит волны на просторах пустынь.

После этого детей несложно подвести к выводу о том, почему песок сыпучий: песчинки не скреплены между собой, рассыпаются по листу бумаги или картона. Понятнее станет детям и причина быстрого высыхания песка: между песчинками есть свободное место, куда проникает ветер, солнечное тепло.

Учитывая психофизические возможности детей, используем такие активные формы и методы работы как: эксперимент, опыт, проблемно-развивающие ситуации.

Создание такой организации обучения, которая, во-первых, обеспечивает познавательный интерес, устойчивость произвольного внимания, во-вторых, дает возможность каждому ребенку соучаствовать в процессе выполнения заданий другим ребенком, в-третьих, внимание всех детей в процессе решения всех задач.

Таким образом, можно сделать вывод, что поисково-исследовательская деятельность имеет огромный развивающий потенциал: с ее помощью у дошкольников совершенствуются познавательная активность, умение самостоятельно осуществлять поиск знаний, анализ реальных факторов, соотносить их с выдвинутыми предположениями, делать выводы.

Липич В.В., Липич Т.И.
К вопросу о соотношении индивидуального и
соборного в лирике А.С. Пушкина и М.Ю.
Лермонтова (на примере стихотворений
«19 октября», «К Чаадаеву», «Дума»)

НИУ «Белгородский государственный университет», г. Белгород

Поэтам-романтикам была близка идея соборности. Она затрагивалась ими как в аспекте движения к новому Эдему (или Страшному Суду), так и в плане всеобщего исторического движения, потому что это движение временное, и гораздо более длительное, чем путь отдельного индивидуума. Историческое движение личности – это движение в общем потоке. Здесь немислимо индивидуальное направление, немислима индивидуальная скорость.

Именно с таких позиций и рассматриваются отношения *я* и *мы*, *я* и *они*, *я* и *вы*. Так, у Лермонтова в «Думе» (1838) *я* выступает лишь в начале стихотворения как независимый свидетель, зритель: «Печально я гляжу на наше поколенье...»[1, II, с. 84]. Устанавливается жесткое противостояние *я* – *они*, *я* – зритель выделяется из толпы: «Его грядущее – иль пусто, иль темно...»[1, II, с. 84]. Однако уже с 5 строки противостояние снимается, *я* оказывается вовлеченным в общую массу *временным* движением: «Богаты мы, едва из колыбели...»[1, II, с. 84] – и остается составляющей *мы* до конца стихотворения.

Таким образом, *я* в «Думе» предстает двояко и позиционирует себя в двух ипостасях: *я*-индивидуум, занимающий созерцательную, стороннюю позицию, и *я*-часть сообщества, разделяющее путь поколения. Соотношение двух составляющих *я*, с одной стороны, в пользу *я*-индивидуума, так как этим *я* открывается текст, что усиливает его позицию, с другой же – в пользу *я*-части сообщества, занимающего большую часть текста. Так создается зыбкое, обманчивое равновесие двух *я*, единых в своей сущности, но разделенных позиционно. *Я*-индивидуум связан моментом («*я* гляжу»), *я*-часть сообщества движется во времени, являясь звеном в цепи поколений. Оно связывает «ошибки отцов» с «обманутыми» внуками. Жизненный путь героя – отрезок исторического пути от точки осознания заблуждения «поздним умом» отцов к новому этапу пути «судьи и гражданина». Позиционное и временное противостояние двух *я* оборачивается одновременно противостоянием свободы и зависимости. *Я*-индивидуум потому становится голосом века, что *я*-часть сообщества – «презренный раб», «тощий плод». *Я*-индивидуум – гражданин, и это сближает его с потомком, *я*-часть сообщества «глядит насмешливо назад», разделяя «поздний ум» отцов. Противостояние двух *я* оказывается и нравственным противостоянием, и различной направленностью во временном потоке. Для *я*-части сообщества настоящее обусловлено прошлым. *Я*-индивидуум оценивает настоящее с позиции будущего. Такая оппозиция *я-я* введет к глобальным эффектам. Из-за временной разнонаправленности *я*-индивидуум словно вырывается из времени, становится частью вечности. Так определяется тенденция превращения *я*-индивидуума в *я*-универсум. Отсюда и эмоциональное ощущение некой сверхсилы, позволяющей личности осмыслить и вынести приговор веку, поколению и самому себе.

Для того чтобы *я* слилось с сообществом, оно неминуемо должно раздробиться на *я*-индивидуум и *я*-часть сообщества. Первое обнаружит тенденцию продвижения к универсуму, второе – подчинится движению времени. Сообщество же соотносится с универсумом как его временной, конечный отпечаток. Увлекаемое временем, оно сольется с вечностью в Эдеме. И только в этот момент *я*-индивидуум преодолевает разделение с *я*-частью сообщества и обретет свою истинную целостность.

Важность и необходимость разделения *я* предполагает позиционное противостояние универсума и сообщества, такое же двойственное, как единство и противоположность *я-я*. Можно рассматривать эту оппозицию как вариантную форму романтического двоemiрия, потому что в этой раздвоенности универсальное противостоит его конечной временной форме.

Все сказанное оказывается действительным для романтической поэзии везде, где есть тенденция трансформации *я* в *мы*. Так, в пушкинском стихотворении «19 октября» (1825)[2, II, 1, с. 374-377] *я*-индивидуум предстает позиционно (в силу личных обстоятельств) оторванным от *мы* («*Я* пью один...»), связанным мгновением и в то же время поднятым над временем и потому способным осмыслить его движение: «Куда бы нас ни бросила судьбина...» и т.д. Временное движение осуществляется от основания Лицея (Эдема) к смерти. Эмоциональное движение осуществляется в ином направлении – от *я*-индивидуума к *я*-части сообщества: «На берегах Невы Меня друзья сегодня именуют...»[2, II, 1, с. 374]. Однако *я*-«один» и *я*-«именуемый друзьями» – это

не одно и то же *я*. Они разделены не только пространственно. Они разделены универсальностью. Слияние, соединение двух *я* подается как мечта, как надежда. Осуществима же эта надежда через подчинение *я* времени: «Промчится год, и с вами снова *я*». Характерное для творчества Пушкина движение в прямой трехчленности – Эдем → разрушение Эдема → обретение Эдема – существенно и для стихотворения «19 октября». Царское Село – утраченный Эдем, мир детства, отечество души, подлинная родина: «Нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село»[2, II, 1, с. 375]. Утрата Эдема – в одиночестве, в оторванности от сложившегося лицейского братства. Обретение Эдема мыслится в возвращении к братству. *Я-часть сообщества* ищет слияния с ним: «Друзья мои, прекрасен наш союз! Он как душа, неразделим и вечен...»[2, II, 1, с. 375]. *Я* достигает универсума в изгнании, но реализует его только при возвращении в братство.

Определенное отличие между двумя вариантами оппозиционности *я* самому себе объясняется не только различием мироощущений Пушкина и Лермонтова. Оно обусловлено самим характером временного движения, его двузначностью. В «19 октября» двузначна осень: она выступает одновременно как пора увядания, символ разрушения Эдема («Роняет лес багряный свой убор...») и как символ Эдема – день открытия Лицея, день рождения братства. В «Думе» временные меты также подчеркнуты символами осени: «И час их (плодов. – Л.В., Л.Т.) красоты – Его паденья час», «в начале поприща мы вянем без борьбы». Они также несут антитезы (час красоты – час паденья, начало поприща – увяданье) жизни и смерти. Эта двузначность не рождает трагедии. Она рождает печаль: «Печален я: со мною друга нет...»[2, II, 1, с. 374]. «Печально я гляжу на наше поколенье...»[1, II, с. 84]. В движении от *я-индивидуума* к *я-универсуму* печаль трансформируется в пушкинскую версию в восторг, в лермонтовскую – в горечь в соответствии с прямой и обратной трехчленностями.

Интересным вариантом отношений *я – мы* является отношение *мы – ты*. В пушкинском послании «К Чаадаеву» 1818 года[2, II, 1, с. 68] процесс разделения переживает не *я*, а *ты*. Совершенно очевидно, что в тексте «Недолго нежил нас обман» и «Но в нас горит еще желанье» «нас» различно по значению. Употребленное в первый раз, оно включало друга (обман «недолго нежил» нас с тобой). Употребленное во второй раз, оно обращено к другу с призывом присоединения (в нас горит еще желанье, а в тебе?). Возвращение к братству ведет к разрушению настоящего и через разрушение – обретение универсума: «И на обломках самовластья Напишут нами имена!».

Послание «К Чаадаеву» (1818) – не только призыв к уничтожению самовластья, это и призыв к восстановлению целостности личности, к преодолению раздвоенности. Поэтому ряд образов в послании восходит к расхожим символам масонства, ориентированным на восстановление Божественной цельности и истинности внутреннего человека. Прежде всего это относится к образу звезды пленительного счастья, который восходит к блистающей, или пламенеющей, звезде. Блещающая звезда знаменовала «Дух», наполняющий всю природу, жизненную силу, ум, освещающий деяние масонов, направляющий их искания на верный путь, «Наподобие Вифлеемской звезды, она указывает путь к Истине и символически представляет наше шествие к Звездителю ми-

ра...»[3, 2, с. 96], – указывает Т. Соколовская. Связь звезды пленительного счастья с пламенеющей звездой закрепляется образом «горит еще желанье». Рядом со звездой пленительного счастья уместным становится обращение «товарищ», хотя выше было «мой друг». «Мой друг» – обращение я-индивидуума к ты-индивидууму. Товарищ – второй градус (вторая степень) рабочего (Иоанновского) масонства, чья задача – активная созидательная деятельность»[3, 2, с. 96]. «Обломки самовластья» – образ, восходящий к поверхностно воспринятым понятиям «дикий камень» (нравственность человека, нуждающаяся в обработке), «разрушенный и рассеянный камень» или «разрушение града нечестивого». Такое поверхностное понимание и употребление масонских символов как основы метафоры только и было возможно для молодого Пушкина, еще не посвященного, да и позже воспринимавшего масонство не слишком глубоко. Для поэта масонская символика – некий культурный пласт, язык эпохи. К этому языку поэт прибегает для того, чтобы указать на взаимосвязь преобразований вовне и внутри человека.

При движении личности во времени с ней самой происходит то, что в иных позициях происходило с движущимся во времени предметом (перстень Веновитинова и т.д.). Я-индивидуум оказывается в «зазоре» между пространством времени и пространством вечности, в области мифа. В пушкинском послании «К Чаадаеву», в лермонтовской «Думе» мифологизация явственна в концовках. Прием мифологизации становится фиксация имени на камне – на «обломках самовластья» в пушкинском стихотворении и на надгробной плите – в лермонтовской «Думе». В стихотворении «19 октября» мифологизация дана в более сложной форме – как постепенное, поочередное умирание братьев по духу, превращение их в воспоминание последнего члена братства. Со смертью же последнего уйдут реальные лица и реальные факты. Однако мотиву забвения, ухода противоречит утверждение неразделимости и вечности лицейского братства в 7-й строфе. Само братство останется, но вне конкретики лиц, фактов и обстоятельств, как некий символ, аналогичный камню дружбы, легендарному свидетельству жизни Ореста и Пилада в послании «Чаадаеву» 1824 года[2, II, 1, с. 323]. Люди уйдут, Дружеский союз вечен. Так ушедшие становятся легендой.

...

1. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2002.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997.
3. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1991.

Лисицына М.С. **Деурбанизация – вектор развития России**

ВолГУ, г. Волгоград

В последнее время при описании будущего человечества перед нашим взором встает огромный мегаполис, в котором люди находятся в постоянном движении, каждый спешит по своим делам. Но разве это единственно возможная форма человеческого общежития? И будет ли она существовать?